

Безнадежно опаздывал на встречу к Льву Дурову и заранее заготовил покаянную речь. Но она, речь, не понадобилась. Хозяин квартиры на Фрунзенской набережной популярно объяснил, что я украл собственное время, отпущенное на интервью, а он эти полчаса провел с пользой, точнее — с книгой.

АНДРЕЙ ВАНДЕНКО

— Что читаете, Лев Константинович?

— Сборник театральных анекдотов девятнадцатого века.

— Для души?

— Скорее для дела.

— К новой роли готовитесь?

— Книжку писать собираюсь. Одну опубликовал, и издательство буквально взяло за горло, требуя продолжения. Я дал слабицу, слуху подписал договор, и теперь придется отработывать. Пока все складывается достаточно трудно, поэтому много читаю в надежде нащупать что-нибудь свое.

— «Грешные записки-2»?

— Ну да, теперь вроде бы принято, чтобы продолжение носило название первой части? Честно говоря, пока не задумывался, как назвать. По-моему, все-таки не это главное, важнее — начинка, то, что будет под обложкой.

— Виктор Астафьев, прочитавший «Грешные записки», помнит, предупреждал: «Лев, никогда больше ничего не пиши». Не выслушал совету классика?

— Вынул! Если бы по-настоящему увлекся графоманией, много бумаги извел бы, а так — всего-то одна книжонка. Да и та странной получилась: не то мемуары, не то литература... Там, по сути, всего три рассказа, вокруг которых все и строится. Сейчас бьюсь над тем, как дальше закрутить сюжет.

— Когда сдавать рукопись?

— Вчера...

— Что-то не вижу у вас компьютера.

— А его нет. И не было. Я не увлекаюсь техническими новинками. Даже кнопочным телефоном сравнительно недавно обзавелся. Был дисковый. С дырочками. Мне нравилось пальцем вставлять и крутить, крутить...

— Так ведь мозоль натереть можно.

— Зато надежно. Всякие новомодные штучки меня отпугивают. Уж лучше по старинке. Правда, за диктофоном я признал право на существование в

— Да уж как-нибудь догадался. О рекламе небось?

— О ней самой. С чего это вы взяли отечественного производителя прославлять? Раньше вроде бы горючили, что торговля лицом на экране — не про вашу честь.

— К рекламе у меня отношение, как у всякого нормального человека: чем назойливее что-то хвалит, тем острее настроенность, опасение, как бы дерьмо не подсушили. Раз старикам всучить, значит, не надо брать. Что я много раз отказывался сниматься — правда, но никогда не говорил, будто выше этого. Просто предлагали рекламировать то, что меня не устраивало. Например, лекарства. Это опасно. Можно подвести человека. Кто-то поверит рылу твоего лица и купит таблетки или

лев дуров: меня трудно испугать

мазь, которые окажутся во вред здоровью. Такое я расхваливать не стану. Или, допустим, хлеб. Он в рекламе не нуждается. Его и без Дурова купят. А с «ИЖем» мне себя упрекнуть не за что. Я ведь не говорю, будто эта машина лучше «Мерседеса». Рекламу не рекламирую, всем ясно: наши автомобили хуже всяких «ауди-шмауди». Тут и сравнивать нечего. Но ведь не каждому по карману иномарки. Почему бы не подсказать людям, что и в России производят машины, которые стоят потраченных на них денег? Недавно позвонил знакомый, сказал, что соблазнился «ИЖем» и не жалеет о покупке. И из Ижевска мне передали, что автомобили стали лучше продаваться, а то одно время совсем труба была. Впрочем, допускаю, кто-то и клянет меня: «Дуров нахваливал, а оцинковка только на одном боку!»

— Так и есть?

Вы знаете, что я за карьеру заработал то ли двадцать три перелона, то ли двадцать семь? Уже устал считать. Даже позвоничник дважды ломал.

— Не знаю. Смотреть надо, что берешь. Я ведь не являюсь гарантом качества всех автомобилей.

— А вам в рекламных целях «ИЖ» презентовать?

— Не было у нас такой договоренности. Напрасно думаете, будто мне за съемки большие деньги отвалили. Но сумму называть не стану, а то еще расстроитесь, что я из-за такого мизера согласился работать. Слышал, кому-то за рекламу много платят, но это не мой случай.

— Словом, на новую квартиру не заработали?

— На дверную ручку от квартиры... Не поверите, но я в самом деле не рассчитывал извлекать в особой коммерческой выгоды. Актеры не избалованы высокими гонорарами. По-моему, сегодня мы самые низкооплачиваемые в стране, уже и учителями, и врачам платят больше.

— Но у вас ведь режиссерская ставка.

Школе-студии МХАТ в одно время со мной учились Евгений Евстигнеев, Олег Борисов, Татьяна Дороницина, Олег Башилавилли, Михаил Козаков, Олег Табаков, Игорь Кваша, Коля Губенко, Олег Анофриев, Леня Харитонов... Разве всех перечислишь? Вон у меня фотографии лежат: это — на строительстве Московского университета, это — в колхозе на картошке.

— Кто-то выделялся на общем фоне?

— Знаете, студенческие лидеры не всегда оказываются такими в жизни. Сколько случаев, когда человек оканчивает институт с красным дипломом, распределяется в лучший театр, а потом пропадает в безвестности, не может найти себя. Я ведь назвал имена тех, кто успеха добился, знаменитым стал, а сколько других, подававших надежды, но канувших в Лету? На курсе было по 23 студента, а курсов — четыре...

актере, которого дирекция театра собиралась увольнять: «Разве это можно трогать? Он же одной ногой в гробу, а другой — в коммунистическом труде». Вот так и я. Терять мне нечего. Если верить статистике, и так подзадержался здесь, переплюнул среднюю продолжительность российского життя-бытья.

— Ну так ведь причина ранней мужской смертности известна: путь меньше надо.

— Да ладно вам! Гляньте, сколько вечно пьяных бомжей по улицам слоняются. Под каждаым кустом алкаш лежит. И ничего — живой! А сколько трезвенников пали смертью храбрых? Не от пьянки люди умирают, а от жизни.

— К слову, заменить красного змия на зеленого на фамильном гербе Дуровых вы предлагали всерьез?

— Герб у нашего рода действительно красивый: два льва

поддерживают золоченый щит, на котором черный орел несет красного змея. Перекрасить его в зеленый цвет я предложил, отдавая дань актерской любви к возлияниям. Шутил, конечно.

— Много слышал от коллег о знаменитом «уголке Дурова», но что-то не наблюдаю в квартире фамильных ценностей.

— У меня собраны всякие забавные вещицы типа туесков, коробов, прялок, самоваров и деревянных ложек. Все это добро хранится на даче. А ценности... Их у меня нет. Разве что кое-какая мелочь осталась. Была картина Анатолия Дурова, но я подарил ее музею в Воронеже.

— Это тот Дуров, который был клоуном и дрессировщиком?

— Да, а еще хорошим художником. Правда, рисовал странно — пальцем наносил масляные краски на стекла, установленные под углом одно к другому. В результате получалась перспектива. У нас дома висел «Грот». Очень мне эта картина нравилась.

— Зачем же отдали?

— Так ведь в Воронеже ничего не осталось. Там было много «стеклянных» картин, но во время войны их, что называется, разобрали. Стекла вынули из рам, краску смыли и застеклили окна, побитые взрывами бомб и снарядов. Так большинство картин и погибло. А куда деваться? Война...

— Неужели не жаль было отдавать семейную реликвию?

— А чего жалеть? Здесь я один картиной любовался, а теперь, может, люди ее увидят. Историю рода, который известен с 1540 года и занимает шестую часть Геральдической книги России, я знаю, и мне этого достаточно. Зачем кичиться? Мишура...

— Хотите сказать, что напроць чужды тшеславия, Лев Константинович?

— И без меня хватает желающих назвать себя звездой. Знаете, с каким словом «звезда» хорошорифмуется?... Не рву от избытка скромности рубаху на груди, но задаю вопрос: чем я, актер, отличаюсь, например, от шахтера? Лишь тем, что торчу на буре, а он горбатится в преисподней. Меня виднее. Вот и все. Он в пыли работает, и я в пыли. У него свои «прелести» в профессии, у меня — свои. Вы знаете, что я за карьеру заработал то ли двадцать

три перелона, то ли двадцать семь? Уже устал считать. Даже позвоничник дважды ломал.

— Ужас!

— А то! Однажды актриса, решив пошутить, поехала на троллейбусе, я же подумал, что она сейчас врежется в металлический портал, и бросился ее спасать. А шутница перед самым моим носом неожиданно развернулась и ударила меня ступнями в грудь. Я не успел ни сгруппироваться, ни отскокить и заремел с трехметровой высоты, шмякнувшись об угол стены... Отлетели четыре отростка на позвончике, пришлось лечь в корсете. Потом во время съемок вместе с лошастью скрутил салты и заработал компрессионный перелом шейных позвонков. Могло все кончиться гораздо хуже, но ведь жив пока.

— А шрам от Мухтара остался?

— Татуировка на ноге? Вот она. Только собаку звали не Мух-

тар, а Байкал. В картине «Ко мне, Мухтар!» снимались три овчарки: одна использовалась для экстерьера, красота, а две другие — служебные, чтобы след брать, нарушителей ловить. Одного из преступников я как раз и изобразил... На беду, Байкал оказался очень суровой собакой, настаивающим людоедом.

— В буквальном смысле?

— Куда уж буквальной!..

Однажды вместе с поводырем он преследовал трех убийц, которые уходили к лесу. Проводник погнался за двумя преступниками, а Байкала пустил за третьим. Когда прибежал к месту схватки, то увидел, что на земле лежит растерзанный человек: правая рука с пистолетом перекушена, разорвано горло, разворочена грудная клетка. Байкал даже хозяина не узнал, чуть было не кинулся. Зверь попробовал живую кровь...

Конечно, мне никто не рассказывал о таких «подвигах» Байкала, и я попал ему под горячую лапу. Юрий Владимирович Никулин попытался сунуться мне на выручку, но пес и на него бросился.

— Испугаться успели?

— Когда? Это же секундное дело. Овчарка огромная, сбила с ног, стала таскать по земле. Я увидел, что пес к горлу подбирается, попробовал всунуть в пасть защитную крагу. Байкал ее выплюнул и опять к горлу... Когда собаку отянули, на мне из всей одежды трусы да валенки оставались...

— Неужели и потом, когда осознали степень опасности, страшно не стало?

— Задним числом совсем уж глупо пугаться. Да и не в моем это характере. Чего бояться?

— Мало ли...

— Если говорить глобально, настораживает общая агрессивность людей. Аैसे, пусть не покажется смешным, мне делается не по себе, когда, к примеру, в троллейбус входит группа молодых людей и начинает грязно ругаться, а на это никто не обращает

— Не учит вас жизнь, Лев Константинович.

— В каком смысле?

— Однажды вы на нож уже напарывались.

— Конечно.

— Почему «конечно»? Полагаете, все должно через это пройти?

— Про всех не знаю, но со мной именно так случается, когда за кого-нибудь застаюся. В Ялте история была: местный авторитет так перед носом «пером» шелкнул, что еще секунда — и сидел бы я на ноге.

— Что спасло?

— Меня за руку поймали. Я же хотел врезать этому блатному за то, что матом выругался при женщинах. Мой кулак остановили, и я уперся животом в нож... Авторитет сказал: «Посмотри на мое лицо, не видишь, с кем связался?» Я глянул, а там — один шрам. Но ничего, мы разобрались, он даже хотел извиниться перед дамами, а потом распорядился, чтобы нас до гостиницы проводили и по дороге никто не цеплял.

А однажды я все же напоролся на нож. Меня в спину ударили, когда за девочку заступился... Впрочем, о чем мы говорим? Тоже мне подвиги! Ерунда все это... Как бы потом жил, если бы смалодушничал и струсил? Считал бы себя дерьмом, а не мужиком. Нет, я на такое не согласен. Мне себя уважать хочется.

По-моему, нормальное желание.

Фото: архив Александра Корольева